

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

О. А. Артемова (г. Минск, Беларусь)

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ

Статья посвящена анализу употребления белорусских и английских указательных местоимений в зависимости от типа ситуации. В экзофорической ситуации выбор демонстратива обусловлен расстоянием до объекта и способностью участников речевой ситуации воспринимать его визуально. При дискурсивно-дейктическом типе выбор английских демонстративов зависит от коммуникативного статуса источника информации в отличие от белорусских единиц, которым свойственно их экспрессивно-стилистическое разнообразие.

Ключевые слова: *демонстратив, дейксис, пространство, речевая ситуация, референт.*

О. Artemova (Minsk, Belarus)

DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN BELARUSIAN AND ENGLISH: NORM AND VARIABILITY

The article is devoted to the analysis of the use of Belarusian and English demonstrative pronouns depending on the type of situation. In the exophoric situation, the choice of a demonstrative is determined by the distance from the object and the ability of the participants in the speech situation to perceive it visually. In the discursive-deictic type, the choice of English demonstratives depends on the communicative status of the source of information. Belarusian units are characterized by their expressive-stylistic diversity.

Key words: *demonstrative, deixis, space, speech situation, referent.*

К указательным местоимениям (демонстративам, местоименным прилагательным) относятся белорусские единицы *гэты, той, такі* и английские *this* 'это', *these* 'эти', *that* 'то', *those* 'те', *such* 'такой'. Демонстративы *гэты, гэтыя, той, тая, this* 'этот', *these* 'эти', *that* 'тот', *those* 'те' осуществляют указание на объект в актуальной речевой ситуации и выполняют *экзофорическую* функцию: выделяют объект из окружающей среды и фокусируют на нем внимание собеседника. В таком случае говорящий сопровождает свое указание невербальными проксемическими (жесты, направление взгляда) или кинетическими (приближение говорящего к предмету) знаками [1, р. 94]: *Вы мне заўтра знішчыце кулямёт, вунь **той** буйнакаліберны, – **тыцкае** ён пальцам у цэмуру* (В. Быкаў. Трэцяя ракета);

“Look”, Ignosi said, “what is **this**?” and he **pointed to** the picture of a great snake tattooed in blue round his middle (H. R. Haggard. King Solomon’s Mines) ‘— Смотри, — сказал Игнози. — Знаешь ли ты, что **это** такое? — и **указал** на знак Великой Змеи, вытатуированный синей краской на его теле’.

В экзофорической функции выбор демонстратива обусловлен границами поля зрения собеседников и включением объекта наблюдения в свою личную сферу. Общеизвестно, что каноническое положение наблюдателя в пространстве — это его положение стоя. Следовательно, дейктический центр — это горизонтальная линия на уровне глаз говорящего. Объекты, находящиеся на этой линии, категоризируются как близко расположенные и обозначаются проксимальными демонстративами *гэты*, *гэтыя* и *this, these*: *Вось давай, брат, патрасём гэту завоінку, — сказаў Марцін. Завоінай называлася паласа стаячай вады пры беразе* (Я. Колас. На ростанях); *Look at **this** beige coat* (L. Snicket. The Carnivorous Carnival) ‘Посмотрите на **это** бежевое пальто’. Объекты выше, ниже этой линии или за спиной говорящего воспринимаются как находящиеся на расстоянии и обозначаются дистальными демонстративами *той*, *тыя*, *that, those*: *Ці даляцеў бы ты, буслік, да неба, дзе свеціцца унь мая зорка, што над намі?* (Я. Колас. Адзінокі курган); *Gingerly, Denison sat down with a grunt. Deliberately, he faced northward, away from the Earth. “Look at **those** stars!” Selene sat facing him, at right angles* (I. Asimov. The Gods Themselves) ‘Денисон, покряхтывая, осторожно сел лицом к северу, так, чтобы не видеть Землю. — Взгляните-ка на **те** звезды! — Селена села напротив него’.

В английском языке демонстративы *this, these* могут указывать на приближающийся к говорящему объект, *that, those* — на удаляющийся от него. Например, как в одном из самых лаконичных анекдотов, популярном в 50-е гг. XX в., о шуточном репортаже с авторалли, в котором приближение гонщика к спортивному комментатору обозначается единицей *this* ‘этот’, его удаление — *that* ‘тот’: *Ladies and gentlemen, **this** is Stirling Moss, **that** was* ‘Дамы и господа, к нам приближается Стирлинг Мосс... и вот его уже нет’ [2].

Как правило, расстояние определяется говорящим визуально. Объекты же вне поля зрения наблюдателя могут восприниматься другими сенсорными каналами, например обонянием. В таком случае английское указательное местоимение *that* сигнализирует об исключении источника запаха из личной сферы говорящего: *I wrinkled my nose. “What is **that** smell?”* (J. Evanovich. Two for the Dough) ‘Я сморщила нос. — Чем **это** воняет?’. В белорусском языке источник запаха включается говорящим в свою личную сферу, о чем свидетельствует употребление проксимального демонстратива *гэта*: *Валерык пацягнуў носам. — А што гэтак пахне, дзядуля?* (П. Ліпка. Рунец).

Обязательным признаком канонической речевой ситуации, по мнению Дж. Лайонза, выступает единство пространства отправителя сообщения и адресата [3, р. 275]. В английском языке их несовпадение, например в телефонном разговоре, маркируется. Пространство отправителя сообщения обозначается местоимением *this*, пространство слушающего на другом конце

провода – *that*: – *Hello, **this** is Clair. Who is **that** speaking? Is **that** Mike?* ‘– Алло, Клэр слушает. Кто **это**? **Это** Майк?’ [4, с. 86]. Белорусской телефонной коммуникации свойственно сохранение единства пространств адресанта и адресата. Об этом свидетельствует обозначение личной сферы получателя сообщения на другом конце провода указательным местоимением *гэта*: *Алё! Наглядчыца? Гэта ты, Караліна? Слухай мяне ўважліва, дарагая* [5].

Наряду с экзофорической, или собственно-дейктической, референцией демонстративы могут выполнять *дискурсивно-дейктическую* функцию [6, р. 93–114], которая заключается в передаче данными единицами связи между двумя высказываниями и соотнесении с целой пропозицией. В таком случае подкрепление жестом невозможно: *Загорскі абвёў вачыма вязняў і ўбачыў, што Андрэя між іх не было. І гэта было добра. Значыцца, яго ўжо ўмыкнулі хлопцы* (У. Караткевіч. Зброя); *“It’s going to be a fine night,” he said aloud. “**That’s** good for a beginning. I feel like walking”* (J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring) ‘Хорошая будет ночь, – сказал Фродо вслух. – **Вот** и отлично, идти одно удовольствие’. В данном случае выбор английского демонстратива определяется источником сведений говорящего относительно сообщаемой им информации. В качестве такого источника может выступать сам говорящий, адресат или третье лицо. Например, в следующем контексте субъект речи обозначает единицей *that* ссылку на сведения, предоставленные ему третьими лицами: – *You mean you’d rather go to New York and live among Yankees than come to Atlanta? – Who told you **that**?* (M. Mitchell. Gone with the Wind) ‘– Вы хотите сказать, что скорее поедете в Нью-Йорк и будете жить среди янки, только не в Атланте? – Кто вам **то** сказал?’. В следующем примере сам говорящий является источником сведений и, информируя собеседника, употребляет указательное местоимение *this*: *Listen to **this**. On Auction Day, when the sun goes down, Gunther will sneak us out of town* (L. Snicket. The Ersatz Elevator) ‘Послушайте вот **это**. В день аукциона, после захода солнца, нас Гюнтер тайком увезет отсюда’. Полагаем, данная особенность обусловлена личностно-ориентированным аспектом указательных местоимений: прагматически демонстративы *this, these* включают референт в личную сферу говорящего, представляют его как источник информации и являются средствами реализации категории прямой эвиденциальности – указания на говорящего как источника информации относительно сообщаемых им сведений о событиях, которые он сам наблюдал или принимал непосредственное участие [7, с. 161]. В этой связи есть основания считать эвиденциальность дейктической категорией, поскольку сам говорящий выступает точкой отсчета ситуации, описываемой им в сообщении [8, с. 101–102].

Дистальные демонстративы *that, those* указывают на принадлежность сообщаемых сведений адресату или третьему лицу, которые не присваиваются говорящим и не включаются в его личную сферу. Данные единицы выступают маркерами косвенной эвиденциальности – ренарратива, когда сообщаемая говорящим информация получена опосредованно – через промежуточную инстанцию от вторых или третьих лиц (*говорят, что..., он*

сказал, что... и др.) [9, с. 161], что, в свою очередь, позволяет субъекту речи как бы «отгородиться» от описываемых им событий [10, с. 253] и снять с себя ответственность за достоверность сообщаемой им информации. В белорусском языке параметр источника информации в данном типе ситуации нерелевантен: *Прызнаю. Але не памыляецца той, хто нічога не робіць. Хто на печы сядзіць. А мы на памылках вучымся. Хто гэта сказаў? Ты ж адукаваная, павінна ведаць* (В. Быкаў. Пайсці і не вярнуцца).

По мнению Н. Д. Арутюновой, демонстративы могут указывать не только на объект, но и на его признаки без их непосредственного описания, выступая средствами выражения признакового дейксиса – одного из механизмов компенсации семантических лакун в области предикатных слов и достижения существенной компрессии текста, когда описание заменяется указанием [11, с. 64]. Маркерами признакового дейксиса являются единицы *такі* и *such*: *Разумееш, ён такі... – Які? – чакальна працягнула Эва. – Высакародны* (К. Шталенкова. Адваротны бок люстра); *And they must marry! Yet he is **such** a man!* ‘Они должны пожениться! Даже при том, что он **такой** человек!’ (J. Austen. *Pride and Prejudice*).

Когда говорящий сомневается в достаточной идентифицируемости референта для адресата, указательные местоимения в сопоставляемых языках выполняют функцию распознавания, осуществление которой обеспечивается общим пресуппозиционным фондом собеседников (Common Ground) и эмоциональной близостью – эмпатией. Их наличие уменьшает умозрительное или физическое расстояние коммуникантов до объекта указания и маркируется указательными местоимениями *гэта, гэтыя, this, these*: *Мы малявалі на зямлі палкамі, на шпалерах самапіскай і фарбай – на аркушах белай паперы. Памятаеце, як гэты працэс захапляў?* (Серия лекций «Дзеці. Мастацтва. Творчасць»); *You remember **this** problem I had you take care of for me?* ‘Ты помнишь эту проблему, которую я просил тебя решить?’ (Reverso Context).

Давность совместного опыта во времени и пространстве или его отсутствие обуславливают употребление указательных местоимений *той, тая* и *that, those*: *Памятаеш **тую** італьянку? Што напрасіла была пранесці сабачку?* (П. Місько. Грот афаліны); *Калі хочаш, слухай. Памятаеш **той** вечар, калі я хацеў пагаварыць з Марынай?* (М. Стральцоў. Двое ў лесе); *You remember **that** landscape of mine, for which Agnew offered me such a huge price but which I would not part with?* (O. Wilde. *The Picture of Dorian Gray*) ‘Помнишь **тот** пейзаж, за который Эгнью предлагал мне громадные деньги, а я не захотел с ним расстаться?’.

Для белорусских указательных местоимений характерно наличие экспрессивно-стилистических вариантов и дублетов. Так, местоимения *гэта, тая* ж. р. в творительном падеже ед. ч. имеют краткую (*гэтай, той*) и полную (*гэтаю, тою*) формы. Краткая форма типична для литературного языка: *Над гэтай версіяй Litesound працаваў сумесна з еўрапейскім прадзюсарам Дзімітрасам Кантаполусам на запрашэнні Белтэлерадыёкампаніі ў студыі гуказапісу Беларускага радыё* (БелаПАН); *Назва оперы на-італьянску заста-*

валася **той** самай (усё адно Іван не разбярэцца), а на расейскую мову перакладалася зусім іначай (У. Караткевіч. Зброя). Полная форма тыпічна для художественнага дыскурса пры перадачы устнай рэчы: *А што рабіць з гэ-таю* зямлёю, дзе было жыта? (П. Броўка. Калі зліваюцца рэкі); *Тою* шырэйшай вуліцай я, здаецца, выбег на ўскраіну гораду (В. Быкаў. Пункціры жыцця). В художественном дискурсе употребляются формы *гэтакая* і *гэткая*. *Гэтакая* не является литературной нормой: *Падыходзім мы да бабкі... Гэтакая* старэнькая, у белым фартушку – ну адуванчык божы (А. Жук. Не забывай мяне). Краткая форма *гэткая* характерна для разговорной речи: *Было крыўдна на сваю няўдалую долю – і чаму гэткая* дасталася яму? (В. Быкаў. Ваўчыная яма). Местоимение *гэтакі* м. р. В именительном и винительном падежах ед. ч. употребляется в двух вариантах – *гэтакі* і *гэткі*. Первая форма характерна для художественного дискурса: *Радж знарок прапанаваў гэтакі* маршрут, хоць на набярэжнай было б хутчэй (П. Місько. Грот афаліны). Другая – для разговорного стиля: *Чаму менавіта яго напаткаў гэткі* нялюдскі лёс? (В. Быкаў. У тумане).

Таким образом, употребление белорусских и английских указательных местоимений зависит от типа ситуации. В экзофорической ситуации выбор демонстратива обусловлен расстоянием до объекта и способностью участников речевой ситуации воспринимать его визуально. При дискурсивно-дейктическом типе выбор английских демонстративов зависит от коммуникативного статуса источника информации в отличие от белорусских единиц, которым свойственна их экспрессивно-стилистическая вариативность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Diessel, H. Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization / H. Diessel. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 1999. – XII, 203 p.
2. Translating demonstrative pronouns // Лекции.Ком. – URL: <https://www.lektsii.com/3-110035.html> (date of access: 23.07.2024).
3. Lyons, J. Introduction to Theoretical Linguistics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 519 p.
4. Прошина, З. Г. Теория перевода : учеб. пособие / З. Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 277 с.
5. Ён прыходзіў з дажджом / уклад. Г. Янкута. – Мінск : Янушкевіч, 2015. – URL: <https://books.google.by/books?id=DDl8DwAAQBAJ&pg=PT261&dq> (дата звароту: 23.05.2024).
6. Diessel, H. Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization / H. Diessel. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 1999. – XII, 203 p.
7. Храковский, В. С. Грамматические категории глагола: связи и взаимодействие / В. С. Храковский // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие : материалы междунар. науч. конф., С.-Петербург, 22–24 сент. 2003 г. / Рос. акад. наук [и др.] ; отв. ред. В. С. Храковский. – СПб., 2003. – С. 156–164.

8. Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения ; сост. О. Г. Ревзиной. – М., 1972. – С. 95–113.

9. Каксин, А. Д. Средства выражения эвиденциальности и миративности в контексте дискурсивного исследования / А. Д. Каксин // Коммуникативные исследования – 2014. – № 1. – С. 252–259.

10. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1988. – 339 с.